

Актуально создание планетарной экологической этики (и экологического законодательства) как некоей общекультурной универсалии, построенной на глубоком сходстве экологических ценностных ориентаций и стимулирующей соответствующее общесоциальное поведение. Планетарная экологическая этика – вариант необходимого единства в культурно-национальном многообразии. Именно на ней как наднациональной системе регламентации должно основываться международное экологическое право.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1861–1921 ГОДЫ: ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ, РЕФОРМЫ, РЕВОЛЮЦИЯ *Р. С. Истамгалин*

Рубеж 1850–1860-х гг., когда российская власть сделала, наконец, первый шаг на пути радикального реформирования самодержавно-служебной институциональной системы – приступила к демонтажу института крепостного права, одной из несущих конструкций этой системы – стал началом новой стадии модернизационного процесса, новой модернизационной *longuedurée* российской истории, вместивших в себя и либеральные реформы, и революции.

Ликвидация крепостного права, как признавали император Александр II и его ближнее окружение, была совершена под непосредственным впечатлением от катастрофических для внешнеполитических позиций Российской империи последствий проигранной Крымской войны. Но это не отменяет глубинной, объективной необходимости перехода страны к институциональному реформированию всей имперской системы.

Внешне ситуация середины XIX века напоминала положение Петра I в начале предыдущего века: военные неудачи сделали настоятельной необходимостью техническое и организационное обновление армии, что, в свою очередь, потребовало создания в краткие исторические сроки адекватной промышленной базы и проведение институциональных преобразований.

Однако принципиальное отличие состояло в том, что теперь промышленной базой не могло быть мануфактурное производство. Европейский уровень вооружений (а именно Англия и Франция оказались основными противниками России в Крымской войне) основывался на результатах промышленной революции, создавшей крупное машинно-фабричное производство. Последнее же нуждалось для своего развития в наемной рабочей силе, появлению которой в нужных размерах в России препятствовало сохранение крепостного права.

В этом плане Крымская война сыграла роль своего рода «лакмусовой бумаги», которая наглядно выявила ограниченность адаптационного потенциала российского аграрного общества.

Действительно, раннеиндустриальная модернизация смогла обеспечить превращение страны в полноценную империю и на сравнительно длительное время укрепила систему, поскольку мануфактурные технологии в условиях России оказались совместимы с сохранением крепостнических форм эксплуатации. В этом вновь проявились особенности российского аграрного общества, сумевшего приспособиться к природно-географическим условиям Восточно-Европейской равнины с помощью создания самодержавно-служебной институциональной системы.

Но собственная логика саморазвития модернизации неизбежно вела к тому, что ручной труд и мануфактура должны были уступить дорогу машине и фабрике. А это означало переход модернизации на собственно индустриальную стадию, радикально меняющую не только экономическую, но и все остальные общественные подсистемы, включая сферу общественного сознания.

Другое дело, что на формы, в которых реализовывалась эта вторая стадия общемодернизационного процесса, неизгладимый отпечаток накладывали исходные социокультурные условия данного общества, вся его предыдущая историческая традиция обеспечения относительно устойчивого равновесия с окружающей природной и социальной средой.

Формирующееся в результате прохождения страной всего модернизационного цикла индустриальное общество невозможно вне трех основных его элементов: доминирования промышленности в экономике, урбанизации населения и секуляризации (рационализации) общественного сознания. Но соотношение этих трех несущих конструкций индустриального общества, содержание и формы иных общественных подсистем, надстраиваемых на этих конструкциях, определяются непосредственно в процессе движения данного общества по его собственной траектории, в которой «прошлое», выражаемое через разные облики традиции, играет весьма и весьма активную роль¹⁷¹.

Системное рассмотрение модернизационного процесса как единого, внутреннего целостного процесса, в котором собственно индустриальная стадия органически (то есть в соответствии с социокультурными особенностями данного общества) вытекает

¹⁷¹ Проблема влияния традиции на ход модернизационного процесса в общетеоретическом и сравнительно-историческом плане подробно проанализирована в не потерявшем своего научного значения исследовании Ш. Эйзенштадта. Eisenstadt S. Tradition, Change and Modernity. N. Y.; L.: John Wiley&Sons, 1973. 153 p.

из стадии раннеиндустриальной, является в данном случае основополагающим методологическим принципом.

Поэтому и преобразования, которые претерпевают все общественные структуры в ходе модернизации, сохраняют свой системный характер, содержательную преемственность, хотя формы и средства этих преобразований могут иметь существенные различия.

Так, в сравнительно-исторических исследованиях, посвященных изучению модернизации, убедительно доказано, что реформы и революции как средства осуществления модернизационных преобразований не противоречат друг другу, а являются звеньями одного процесса. Более того, сочетание реформ и революций – это явление скорее типичное, чем исключительное¹⁷².

В этом смысле модернизация как переходный процесс должна рассматриваться в логике ее внутренней стадийности, где в рамках каждой стадии возможны колебания от реформ к революциям и обратно, но, используя эти различные средства, общество решает одни и те же задачи, главные из которых: индустриализация, урбанизация, секуляризация.

При всем своеобразии, свойственном как самой революции 1917 г., так и установившемуся в ее итоге политическому режиму, задачи, которые пришлось решать победившим в ходе гражданской войны большевикам, оказались теми же задачами завершения индустриальной модернизации, которые не смогла в полной мере разрешить предыдущая монархическая власть.

В этом смысле царская и большевистская (советская) модернизации преемственны, что, конечно, не означает отрицания качественных различий между ними в используемых методах, формах организации общества, социальных издержках и т. п.

Объективно существующие общесистемные задачи претерпевали неизбежное социально-субъективное преломление в сознании и практической деятельности тех общественных сил, которые играли решающую роль в определении вектора модернизации. Огромное влияние на такое преломление оказывали ценностные системы, основанные на них идеологические постулаты. Важнейшим фактором становились и конкретно-исторические обстоятельства времени и места, в которых социальным и политическим акторам приходилось действовать и к которым приходилось приспосабливаться, а иногда и приспособливать их под себя.

Все это в совокупности и предопределило столь извилистую траекторию индустриальной модернизации России, в которой

¹⁷² См., напр.: Травин Д., Маргания О. Указ. соч.; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ; Black C. E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N. Y.: Harper&Row, 1966. 209 p.

умеренно-либеральные по своей направленности и ограниченные по достигнутым результатам реформы аграрной системы, проводимые самодержавным имперским центром, сменились радикальной революционной ломкой, а затем не менее радикальным революционным созиданием нового центра порядка, воплощенного в большевистской «партии-государстве».

В силу этого философское осмысление исторического процесса завершения индустриальной модернизации России должно быть направлено на обнаружение преемственности, онтологического единства решаемых обществом задач там, где советским гуманитариям виделся прежде всего революционный разрыв¹⁷³.

Достижение обществом своего индустриального качественного состояния является не результатом одномоментного рывка или даже нескольких таких рывков, а происходит посредством непрерывного, текучего процесса взаимодействия количественных и качественных изменений, протекающих на всех «этажах» социального здания, но протекающих асинхронно и с разной скоростью. Поэтому и изменения в разных общественных структурах, обладая безусловной взаимосвязью, выявляют эту зависимость друг от друга посредством лишь корреляционных связей, динамика которых тоже непостоянна и текуча.

Изменения в одних структурах общества могут вести к изоморфным, по сути, изменениям в других структурах, но последние могут происходить как непосредственно, так и опосредованно, как сиюминутно (в масштабах исторического времени), так и на значительной временной дистанции.

Поскольку эволюция социального идеала как одной из форм общественного сознания является лишь составным элементом процесса общесистемных изменений, то, с естественными поправками на специфичность данного феномена, анализ его эволюции, условно говоря, из идеала аграрного общества в идеал индустриального общества, правомерно вести под углом зрения поиска преемственности, но, безусловно, с одновременным учетом своеобразия его трансформации на разных этапах системной эволюции.

Выбор в качестве начальной точки стадии индустриальной модернизации в России 1861 года, то есть момента не только формальной отмены крепостного права, но и начала его фактического демонтажа, оправдан логической и содержательной взаимосвязью

¹⁷³ Справедливости ради следует отметить, что в получивших в последнее время распространение в отечественной историографии работах, выполненных в жанре социальной истории, тезис о преемственности общего направления модернизационного движения российского общества во второй половине XIX – первой половине XX вв. находит поддержку и соответствующую фактологическую аргументацию.

этого властного акта со всеми последующими реформами, окончательно запустившими механизм осуществления задач индустриального преобразования российской аграрной системы.

Этот общий вектор модернизации сохранился, но средства, при которых модернизировалось общество, претерпели качественные изменения в связи со сменой институциональной системы, произошедшей в ходе второй российской революции.

В этом отношении правомерно рассматривать революцию 1917 г. и приход к власти в стране в ее результате большевистской партии не как изменение содержания системных процессов, переживаемых российским обществом с момента отмены крепостного права, а как изменение форм, в которых эти процессы протекали.

Окончательно большевистская партия в качестве политической силы, монополизировавшей государственную власть или, в нашем понимании, создавшей новый центр социального, культурного и политического порядка в России, утвердилась только в результате военно-политической победы над своими конкурентами в ходе гражданской войны. Именно весной 1921 г., после завершения основных военных действий, новая власть оказалась перед необходимостью приступить к практической реализации того социалистического идеала общества, которым большевикам удалось привлечь на свою сторону значительную часть населения страны.

Поэтому более логично принять за вторую условную хронологическую точку эволюции социального идеала российского общества в эпоху индустриальной модернизации, реформ и революций 1921 год.

ПАССИОНАРНОЕ ВРЕМЯ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЖУРНАЛИСТА

Р. Л. Исхаков

«Пассионарное время» – не наше изобретение. В первый раз это словосочетание мы встретили в очерке Евгения Проскуликова «Пассионарное время у Гоголя». Конспективно его признаки следующие: 1) пассионарное время – время перемен; 2) главная дихотомия пассионарного времени: свой-чужой; 3) субъект пассионарного времени – не личность, а масса; 4) герой пассионарного времени – средство, а не цель. Само по себе «пассионарное время» – тема отдельного исследования, нас же интересует темпоральная детерминация профессиональной культуры журналиста.

Раскрытие профессиональной культуры через анализ присущего ей отношения ко времени опирается на то, что с восприятием и пониманием времени и временного тесно связаны мироощущение